

ВЪ МІРѢ РАСКОЛА.

(Продолженіе *).

Свиданіе съ родственницей и увѣренность въ изгнаніи Евгеніи такъ благотворно подѣйствовали на Максима, что онъ сталъ быстро поправляться и наконецъ совсѣмъ сталъ здоровъ. Пошли шушуканья между старухами и пожилыми бабами относительно Евгеніи, стали подыскивать разнаго рода обвиненія, но Евгенія, надѣясь на своихъ благодѣтелей, не обращала никакого вниманія на интриги наставника. Но вотъ, когда ея благодѣтели разѣхались въ разныя стороны, Максимъ съ своей родственницей собрали „соборъ“, на который явились нѣсколько стариковъ и множество жевщивъ; явилась туда и Евгенія. Максимъ объявилъ засѣданіе открытымъ и обратился къ собранію съ слѣдующей рѣчью: братія и сестры нашего древляго благочестія! Въ нашемъ христіанскомъ обществѣ творятся дѣла самыя богомерзкія: дѣвка у насъ службу Божию править и читаетъ за службой евангеліе, это — срамъ намъ предъ никоніанами! Вѣдь вы помните, какъ мисиверъ-го (миссіонеръ) насъ укорялъ за нее? Онъ говорилъ, что ни въ какомъ обществѣ дѣвки службой церковной не заправляютъ, а у васъ, говорятъ, Явленія служатъ, и это говорилъ онъ истинную правду, поэтому я въ то время и не защищалъ ее, знаю — мерзкая дѣвка и болѣе ничего! Какъ по вашему мнѣнію нужно поступить съ ней? — обратился онъ къ соборявамъ.

— Истинную правду говоришь, касатикъ ты нашъ, ей истинно, заговорили старухи. Какая уставщица Явленія? — мужей у бабъ поотбила!

— Вѣрно, вѣрно старушки говорите, закричали въ одинъ голосъ другія женщины.

Тутъ выступила обвиняемая Евгенія. — Погодите вы, старья карги, кричать! что вы каркаете? Дайте и мнѣ слово сказать, прикрикнула Евгенія на своихъ судей.

— Посмотрите на нее, какая широкая пришла, замѣтилъ наставникъ.

— Правду ты, Максимъ, говоришь, сказала Евгенія, что у насъ въ обществѣ творятся нехорошія дѣла на посмѣшнице

*) См. Астрах. Епарх. Вѣдомости. 1892 г. № 1.

еретикамъ. А что наши истовые древлеблагочестивые христіане отбиваютъ у общества моленныя и присваиваютъ ихъ себѣ безъ зазрѣнія совѣсти; это, навѣрно, тебѣ извѣстно болѣе всѣхъ.

Упрекъ уставщицы относительно моленной угодилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Максиму, и онъ отъ злости только заскрежеталъ зубами, а Евгенія продолжала свою рѣчь далѣе:

— Справедливо и то говоришь, Максимъ, что дѣвицѣ не слѣдуетъ службу Божию править, но что же дѣлать намъ, окаяннымъ, если наставникъ нашъ по складамъ еле-еле читаетъ, а о порядкѣ службы рѣшительно понятія не имѣетъ, да еще кромѣ того предался сатанинскому дѣлу—пьянству. Что же послѣ этого оставалось дѣлать нашему обществу? Въ такихъ случаяхъ и закону премѣненіе бываетъ.

Упрекъ, посланный по адресу наставника, былъ справедливъ и могъ бы имѣть надлежащую силу, если бы судьи не были противъ Евгенія; но такъ какъ они собрались не судить, а прямо осудить ее, то поэтому въ отвѣтъ на справедливыя ея упреки одни только рычали да кашляли, а другіе смѣялись и выжидали случая, какъ бы только удобнѣе къ чему нибудь придраться и осудить ее на изгнаніе.

Отъ наставника Евгенія перешла къ членамъ „собора“. — По вашему мнѣнію, сказала она, дѣвица не можетъ читать за службой евангелія, а вы бабы, явныя блудницы, какъ смѣете корчить изъ себя вселенскій соборъ, чтобы осудить меня? Какъ смѣете называться замужними женщинами? Развѣ вы не знаете, что, по нашему ученію, нынѣ времена антихриста, браковъ законныхъ нѣтъ, вездѣ стоитъ мерзость запусчѣнія. Нынѣ „спасай да спасетъ душу свою“, а вы называетесь женами безъ вѣнчанія; вѣдь вы за это, по правиламъ св. отецъ, должны именоваться блудницами.

Тутъ женщины не выдержали, онѣ въ нѣсколько голосовъ закричали: а ты, разлучница, какъ считаешься по писанію?

— За тайное согрѣшеніе, отвѣчала Евгенія, тайное и покаяніе положено.

— Это не тебѣ-ли, развратницѣ, воскликнулъ съ усмѣшкой Максимъ Егоровъ, положено тайное покаяніе, когда всему обществу извѣстно, сколько у тебя мужей. Это, видно, ты такъ

дѣлаешь по временамъ антихриста, да не ему-ли ты тайно служишь и тайно каешься?

— Ему, ему!—закричали старухи.

Наставникъ, обратившись къ собранію, спросилъ: вотъ, честное собраніе, видите всѣ преступленія Явленія?

— Видимъ, видимъ, касатикъ, все видимъ, подсказала родственница Максима.

— Ничего ты не видишь, старая, огрызнулась было Евгенія, но нѣсколько женщинъ крикнули на нее: замолчи, мразь ты эдакая! Соборное разсужденіе идетъ, а ты перебивать лѣзешь. За тайное твое согрѣшеніе вотъ наложить тебѣ этой палкой явственно, и будетъ хорошо, да и намъ пріятственно, не будешь послѣ сего отбивать чужихъ мужей, да обирать ихъ кругомъ и оставлять семейства ихъ голодными.

— Какъ поступить съ ней?—спросилъ наставникъ. Тогда Евгенія, обратившись къ своимъ судьямъ, сказала: кричите „распятъ ее“! При этихъ словахъ наставникъ вскочилъ съ своего мѣста и закричалъ на Евгенію: ахъ ты мерзость эдакая! смѣешь ты приравнивать насъ, истинныхъ, самыхъ настоящихъ, старинныхъ христіанъ къ жидамъ! Ты подумай только, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло?

— Съ пьяницей!—отчетливо крикнула Евгенія.

— Гнать ее отсюда, грубіянку, чтобы и духу ея у насъ не было!—закричалъ наставникъ.

— Гнать, гнать ее—повторили члены „собора“.

— Сама уйду отъ васъ, жидовское соборище. Посмотримъ, какъ ты будешь читать по складамъ-то! крикнула Евгенія Максиму.

— Какъ ты смѣешь конфузить нашего наставника?—закричали нѣкоторыя старухи и, подойдя къ Евгеніи, хотѣли было вывести ее, но послѣдняя однимъ взмахомъ своихъ рукъ на право и на лѣво опрокинула своихъ противницъ на полъ и ушла. Такъ окончился судъ надъ уставщицей, которая на другой же день отправилась въ Астрахань. Послѣ ухода Евгеніи наставникъ съ членами своего „собора“ долго еще разсуждали о своей уставщицѣ, а потомъ разошлись по домамъ. Наставникъ торжествовалъ, одержавъ побѣду надъ своею противницей, и на радости изрядно кутнулъ съ нѣкоторыми приближенными къ нему старушками.

Максимъ по прежнему сталъ править требы, только почетъ ему съ уходомъ Евгеніи нисколько не прибавлялся. Крестиль онъ младенцевъ, какъ и прежде, но молитвъ читать не могъ, хотя и немного ихъ требовалось по раскольническому обряду при крещеніи. Максиму и это трудно было выполнить, и онъ ограничивался большею частью только погруженіемъ въ воду, да семипоклоннымъ началомъ, да и это все дѣлалъ съ грѣхомъ пополамъ. Но вотъ наступила страстная недѣля и приближалась Пасха; службы положены большія, а Максимъ о нихъ и понятія не имѣлъ. Взялъ было онъ книгу „Цвѣтную Трїодь“, поворо- чаль, поворочалъ ее, да и положилъ на полку. Такъ проходила вся страстная недѣля, наступалъ день Свѣтлаго Христова Вос- кресенья. Съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ прихожане Максима, изъ которыхъ большая часть были сторонники Евгеніи, подняли ропотъ на наставника. „Вотъ“, говорили одни изъ нихъ, „старый грѣховодникъ, по своей злобѣ и жадности къ деньгамъ, сжилъ дѣвку-то, а теперь всѣ мы должны безъ службы быть, впору хоть въ мірскую (православную) церковь идти“, а нѣко- торые стали поговаривать о смѣнѣ наставника. Всѣ такіе и по- добные разговоры досужія старухи передавали Максиму, и сей- послѣдній порядкомъ струсилъ. Онъ боялся, какъ-бы его при- хожане на самомъ дѣлѣ не ушли въ православную церковь, а что еще хуже, какъ-бы не привезли обратно ненавистную ему Евгенію, и поэтому Максимъ объявилъ всему обществу, что онъ будетъ совершать насхальное богослуженіе. Всѣ обрадовались этому и стали ревностно подготавливаться къ насхальной службѣ: убрали для этого жилой домъ (моленной не было), нанесли туда множество иконъ, развѣшали предъ ними лампы, поставили нѣсколько аналоевъ, однимъ словомъ—простой, но убранный домъ принялъ видъ молельни; кромѣ того усердные прихожане привезли изъ Астрахани много крупныхъ восковыхъ свѣчей раз- наго цвѣта. Вся эта обстановка доказывала, что раскольники намѣревались торжественно праздновать христіанскій великій праздникъ, чему много способствовало то, что ловцы въ зиму заработали много денегъ и поэтому ни на что не скупились.

Раньше обыкновеннаго пришелъ въ молельню наставникъ

Максимъ, а за нимъ принесли нѣсколько старопечатныхъ книгъ и уложили ихъ на аналой. Наставникъ имѣлъ видъ озабоченный и какъ-будто чего-то боялся. Видя такимъ своего наставника, старухи, напереницы его, стали его спрашивать: что съ тобой случилось? здоровъ-ли ты, родименькій? Но никто отъ него никакого отвѣта не добился. Одна только родственница наставника знала причину озабоченности своего учителя и опасалась за него: а ну, какъ въ самомъ дѣлѣ онъ сконфузится въ службѣ, что тогда будетъ? Тогда и праздникъ будетъ не въ праздникъ, да, мало того пожалуй опять вызовутъ ненавистную ей Евгенію, и поэтому она всячески старалась ободрить упавшаго духомъ наставника. „Не трусь, Максимъ“, говорила она, „ты только служи безъ остановокъ, а что окажется не по статьямъ нашего закона, это ничего не значить, потому что изъ нашей братіи никто ничего не пойметъ“.

Взявъ наставникъ книгу и сталъ ее перелистовать. Подходить къ нему одна старуха и говорить: „сударикъ! не во гнѣвъ вашей милости будь сказано, будто ты книгу-то держишь къ верху ногами“.

— Молчи!—съ гнѣвомъ сказалъ наставникъ. Не твое это дѣло, яйца курицу не учать.

— Да оно такъ-то такъ, сударикъ, только будто раскладывать такъ божественную книгу не слѣдуетъ; къ примѣру, взять грѣшнаго человѣка да поставить его такимъ образомъ и то не хорошо, а это, вѣдь, святыня Божія,—твердила неугомонная старуха.

— Да замолчи же ты!—рявкнулъ на нее наставникъ.

Старуха пошла прочь, ворча себѣ подъ носъ: ишь какой грозный, книгу въ руки взять не умѣетъ, а въ наставники суется (старуха оказалась изъ партіи приверженцевъ Евгеніи).

По уходѣ старухи наставникъ осмотрѣлся хорошенько и убѣдился, что книга у него лежала не такъ, какъ слѣдовало; онъ сію же минуту поверотилъ ее и сталъ отыскивать пасхальную службу. Складывалъ онъ букву за буквой, слогъ за слогомъ, но служба не находилась. Максимъ начиналъ сердиться, но и это не помогало. Народу сходилось все болѣе и болѣе, а наставникъ сидѣлъ и ворочалъ книгу; руки у него тряслись, съ свѣчки

капалъ воскъ и прямо на книгу, листы склеились, а Максимъ торопливо ворочалъ ихъ и нерѣдко рвалъ. Смотри на такую операцію, нѣкоторыя старухи ворчали: „эка, какой безбожникъ-то! какъ онъ божественную книгу-то рветъ!“ — „Чего онъ тамъ копается въ ней“ — говорили мужчины. „Нужно бы давно начинать“. Но наставникъ продолжалъ перелистовать книгу, переворочалъ ее нѣсколько десятковъ разъ, а службы пасхальной все-таки не нащелъ. Мужики смѣтили, въ чемъ дѣло, и начали трунить надъ нимъ.

— И то, Максимъ, безъ Явленія-то видно плоховато, ее-то прогнали, и служба пасхальная за ней ушла, вотъ и не найдете вы ее цѣлыхъ пять часовъ! У виконіанъ (православныхъ) къ утренѣ, вѣдь, скоро ударятъ въ колоколь, а у насъ и служба-то еще не начиналась, а вѣдь она у насъ должна начаться раньше, чѣмъ у нихъ.

— Вѣстимо, такъ, поддакнули другіе; какая будетъ служба послѣ еретиковъ?

Наставникъ съ гнѣвомъ кричитъ на всѣхъ: и что вы мнѣ своей Явленіей глаза-то колите? Оставьте свою словесность-то, я развѣ меньше ея знаю, только вотъ она, мерзкая дѣвка, книгу то намъ подмѣнила, вмѣсто старинной-то положила новую, еретическую, вотъ въ ней-то я ничего не найду.

— Что ты городишь чепуху-то?—отвѣчалъ ему ловець Григорій. Книга эта, что дядя Трофимъ купилъ, самая старинная, за нее заплатили 75 руб., а ты говоришь, что ее подмѣнили тебѣ.

— Да, если у тебя въ рукахъ виконіанская книга, возразилъ другой парень, такъ зачѣмъ же ты взялъ ее въ руки и хочешь служить по ней? Аль опять хочешь насъ всѣхъ замѣрцить, да канунъ въ 40000 поклоновъ наложить?

— Да еще, пожалуй, его же нанять отправлять канунъ-то, возразилъ другой.

— Народъ коммерческій, поддакнулъ третій, что твои Астраханскіе маклаки, обдѣлываютъ насъ по своему усмотрѣнію. Прошлый годъ такъ устроилъ надъ нами Максимъ: нужно ѣхать въ море, а онъ канунъ подвалилъ, ну когда же отправлять-то?

Пятишну въ зубы, говорю я ему, отмолись, Максимъ! Обѣщался отмолиться, а самъ и закутилъ. Вотъ и гляди, каковы пастыри-то наши, людей не хвалимъ, а на себя посмотришь?

— Правда, ребята,—заговорило нѣсколько мужиковъ. И теперь таже исторія! Онъ знаетъ, что селедка скоро пойдетъ, нужно работать день и ночь, а онъ тутъ, пожалуй, съ своимъ кануномъ подкатить. Нѣтъ, Максимъ, нынѣ не обтяпаешь насъ своимъ кануномъ, и сами молятся не будемъ, и тебя не найдемъ.

Наставникъ вполнѣ сознавалъ справедливость укора своихъ прихожанъ и поэтому молчалъ. Онъ еще усерднѣе сталъ перелистовать книгу и сколько разъ проходилъ пасхальную службу, но найти ея не могъ, потому что читалъ плохо. Онъ опасался еще и другаго: ему хотѣлось начать службу прежде православныхъ; по его понятію, если православные начнутъ прежде службу, то осквернятъ своимъ звономъ ихъ „древле-благочестивую“ службу и тогда ему начинать будетъ невозможно. Висѣвшіе на стѣнѣ молебни часы пробили 11. Наставникъ сталъ выходить изъ себя, и немилосерднымъ образомъ принялся ругать церковь православную и ея пастырей.

— Опередятъ насъ они, еретики эдакіе, осквернятъ нашу св. молитву! Это злой духъ никоніанскій помрачилъ мои очки, не найду я службы, кипятился наставникъ, причемъ снималъ очки, протиралъ ихъ платкомъ, потомъ снова надѣвалъ и опять ничего не находилъ.

Мужики подняли ропотъ на своего наставника: какой-ты наставникъ, говорили они, служить не умѣешь для такого великаго праздника, и насъ наводишь на грѣхъ. Хотя ты человекъ-то немудрящій, дешевый, но все же осуждать-то тебя грѣшно, а ты все таки своимъ неряшествомъ доводишь насъ до этого.

Наставникъ бросилъ книгу и сталъ ходить по комнатѣ, какъ угорѣлый; отъ злости онъ опять началъ ругать церковь православную и, задыхаясь, говорилъ: опередятъ они насъ, окаянныя никоніане, осквернятъ насъ своимъ звономъ! Вонъ, вонъ, посмотрите на часы, время подходитъ еретическаго звона.—Если бы кто въ это время изъ постороннихъ посмотрѣлъ на наставника,

то ни за что не повѣрилъ бы, что этотъ человѣкъ въ здоровомъ умѣ; а непременно счелъ бы его за сумашедшаго.

Въ то время, какъ раскольническій наставникъ бѣсновался, вдалекѣ на колокольнѣ православнаго храма ударили въ большой колоколъ и тѣмъ дали знать, что въ храмѣ начинается утренняя Свѣтлаго праздника Христова Воскресенія. Услышавъ этотъ звонъ, раскольническій наставникъ плюнулъ отъ злости и въ изнеможеніи опустился на лавку. Тутъ подошла къ наставнику его любимая родственница старуха и сказала: ну, вотъ что Максимушка! будетъ тебѣ даять никоніанъ-то, все равно они не могутъ слышать твоего вразумленія, вѣдь, поди, они теперь какъ кричатъ „Христось воскресе“, а мы съ тобой молчимъ, давай-ко лучше похристосуемся.—Но въ отвѣтъ на это Максимушка отъ злости такъ толкнулъ ее, что она полетѣла на полъ. Поднялась суматоха, а наставникъ тѣмъ временемъ скрылся изъ молельни и ушелъ домой. Старуха отъ испуга, а частію отъ сильнаго удара упала въ обморокъ, но потомъ, опомнившись, сказала: мошенникъ Максимка и болѣе ничего. Недовольство наставникомъ еще болѣе усилилось; одни кричали, что надо смѣнить его, другіе, хотя и немногіе, стояли за него. Мужчины принялись ругать женщинъ: вы, анаемы, съѣли Явленію, она у насъ службу правила въ лучшемъ видѣ, а теперь что творится у насъ для такого праздника? Для чего мы столько свѣчей накупили и моленную убрали? Хотѣли встрѣтить праздникъ Христовъ въ чести и радости, а теперь вотъ вамъ и радуяся! Взять бы васъ за волосы, да и мотать бы, мотать на всѣ стороны. На, молъ, не суйся не въ свое дѣло, не затѣвай вселенскіе соборы собирать, не осуждай безъ вины людей, знай свои горшки да ухваты и болѣе ничего! Такъ ораторствовали расходившіеся ловцы.

— Истинную правду говорите, ребята, поддакнулъ старикъ Тихонъ Аввакумовъ. Этихъ самозванныхъ судей слѣдовало-бы разложить, да крапивою высѣчь, тогда бы они знали, какъ судить, не спросясь общества, и изгонять нужнаго человѣка.

Не успѣлъ Аввакумовъ окончить свои слова, какъ изъ толпы женщинъ, какъ молнія, вылетѣла его жена и, подбѣжавъ къ своему сожителю, схватила его за длинную бороду.

— Ты что это тутъ разглагольствовался, закричала баба. Тебѣ хочется Явленію воротить, а? Хочется опять развратъ завести, этому не бывать.

— Жена! закричалъ было Аввакумовъ, знай, я глава тебѣ, оставь свое многословіе.

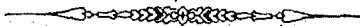
— Что ты это говоришь, старый грѣховодникъ, я вотъ тебя вмѣсто словесія безсловесіемъ угощу, кричала сожительница Тихона, показывая на большую толстую палку. Вздумалъ еще главой быть, иди домой, я расправлюсь съ тобой, и при этомъ, повернувъ направо, повела его домой.

— Такъ ихъ и нужно учить, раздался голосъ съ женской половины, а то ишь выдумали главами быть, попробуй теперь по головѣ, лучше будетъ.

Много было препирательствъ между раскольниками относительно Максима и Евгеніи и наконецъ раскольники стали расходиться по домамъ, и шли по улицѣ съ поникшими головами, угрюмые и злые.

Священникъ *Евтропій Кочергинъ*.

(Окантіе будетъ.)

О мѣрахъ, принятыхъ къ обезпеченію въ продовольствіи населенія Астраханской губерніи, по случаю неурожая хлѣбовъ въ 1891 г. *).

Главными источниками экономического благосостоянія населенія Астраханской губерніи служатъ: въ Царевскомъ, Черноярскомъ и Енотаевскомъ уѣздахъ—хлѣбопашество и скотоводство, въ Красноярскомъ и Астраханскомъ уѣздахъ—рыболовство и въ послѣднемъ, отчасти, хлѣбопашество и бахчеводство.

Недородъ хлѣбовъ и недоловъ рыбы за послѣдніе два года, а также бывшая въ губерніи чумная эпизоотія (1888—1890 гг.), сопровождавшаяся громадною потерей скота, воспрещеніемъ скотскихъ ярмарокъ и вообще стѣснительными мѣрами по борьбѣ съ нею, нанесли большой ущербъ благосостоянію мѣстнаго населенія.

Неурожай хлѣбовъ и травъ въ 1891 году и крайне плохой ловъ рыбы грозили бѣдствіемъ населенію Астраханскаго края.

*) Астраханскія Губернскія Вѣдомости 1892 г. № 4.